

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Покушение на власть
Субъект власти

Дронго

Чингиз Абдуллаев

**Покушение на власть:
Субъект власти**

«PEN-клуб»

2005

Абдуллаев Ч. А.

Покушение на власть: Субъект власти / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2005 — (Дронго)

Киллера международного класса трудно напугать, еще труднее удивить и совсем уже невозможно заставить просить о помощи старого врага. Но англичанин Хеккет, который обращается к специальному агенту Дронго, испуган, изумлен и просит о помощи! Таинственная международная организация навязывает ему главную роль в убийстве российского президента! Кто эти люди, отнюдь не похожие на исламских террористов? Чего хотят? И главное — как их остановить? Так начинается самое опасное дело Дронго.

Чингиз Абдуллаев

Субъект власти

ФРАНЦИЯ. ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ. НИЦЦА. 4 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

С ели вдвоем на заднем сиденье автомобиля и молчали. За рулем был водитель-француз, не понимающий русского языка. Но оба пассажира понимали, что нельзя позволять себе разговаривать даже в присутствии этого пожилого француза, чтобы не подвергать себя излишнему риску. Машина мягко затормозила перед воротами. Появившийся молодой человек внимательно посмотрел на сидящих в машине и лишь затем, обернувшись к воротам, махнул рукой. Ворота автоматически открылись, и автомобиль въехал на территорию виллы. Территория была, очевидно, достаточно большой, до дома нужно было ехать около двух минут. Машина бесшумно заскользила по дорожке, когда один из пассажиров, владелец виллы, положил руку на плечо водителя, попросив его остановить машину. Он сказал всего лишь одно интернациональное слово «стоп», но водитель его расслышал, понял. И сразу затормозил. Владелец виллы и его гость вышли из кабины автомобиля, и водитель, не дожидаясь сигнала, поехал к основному зданию, расположенному в шестистах метрах от этого места. Когда машина скрылась за поворотом, владелец виллы обратился к своему гостю:

– В машине разговаривать глупо, а на моей вилле еще глупее. Я не могу гарантировать, что меня не прослушивают, даже несмотря на охрану. Предают только свои, так кажется говорят французы.

Он был среднего роста, с подвижным лицом, крупными чертами, большим крючковатым носом. Говорил негромко, постоянно оглядываясь, словно опасаясь, что из-за кустов могут появиться нежелательные незнакомцы. Его собеседник был чуть выше ростом, лысоватый, в очках, с тонкими губами, несколько вытянутым лицом, большими прижатыми к черепу ушами.

– Я думаю, что в вашем саду нас не смогут услышать, – предположил гость, – хотя согласен, что ничего нельзя гарантировать. Сейчас существуют такие системы наблюдения, о которых мы даже не подозреваем.

– Технический прогресс, – улыбнулся хозяин. – На дворе двадцать первый век. Все меняется. Мы тоже пытаемся приспособливаться. Вчера здесь работала целая группа специалистов, они все проверили. Пока ничего не нашли...

– Надеюсь, что именно сегодня здесь ничего не услышат, – поддержал его гость, – и мы сможем с вами переговорить.

– Все и так ясно, – ответил хозяин, останавливаясь и снова оглядываясь, – я думаю, что мы четко себе представляем, чего именно хотим.

– Похоже, – осторожно отозвался гость, – другого варианта просто не существует. По моим данным, они имеют два варианта. Либо первый, который был опробован в девяносто девятом, когда действующий президент просто передает власть по наследству своему преемнику. Уже есть реальные кандидатуры – либо министр обороны, либо председатель Государственной Думы. В любом случае это ставленники нынешней власти. Один – генерал КГБ, другой – генерал милиции. В таком случае вся система продолжает работать, меняется лишь конкретное лицо во главе страны. При этом прежний президент сохраняет за собой право «Генерального советника», если его можно так назвать...

– А второй?

– Второй более неприятный. Пользуясь своим абсолютным большинством в парламенте, нынешняя власть проводит через Государственную Думу закон об изменении Конституции. В таком случае президент автоматически становится главой правительства и может занимать этот

пост столько, сколько пожелает. Его партии нужно будет побеждать каждый раз на выборах, но это не проблема. Ведь губернаторов будет назначать новая власть, а это значит, что они будут абсолютно лояльны. И любой исход выборов с нужным результатом почти гарантирован.

– Насколько реален второй вариант?

– Пока фифти-фифти. Но если начнет расти давление на власть, то не исключено, что они применят второй вариант.

– И тогда мы получим бессрочную монополию одной власти, – закончил за гостя хозяин виллы.

– Да, – подтвердил тот, – и никаких вариантов.

– Или почти никаких, – задумчиво повторил хозяин, – если не считать нашего варианта, при котором развитие событий может пойти по другому сценарию.

Гость незаметно вздохнул. Собственно ради этого разговора он и приехал во Францию. Если он поддержит тему, то возврата назад уже не будет. Вошедший в эту реку либо перейдет на другой берег, либо утонет. Других вариантов нет.

– Мне кажется, этот сценарий наиболее полно отвечает нашим интересам, – очень деликатно сказал гость.

– Мы не на дипломатическом рауте, – перебил его хозяин. – Если наш разговор прослушивают, любой поймет, о чем мы говорим. Хотя я на девяносто восемь процентов исключаю такую возможность. Нужно понимать, что другого варианта просто не будет. А пока у нас есть и финансовые средства, позволяющие провести эту операцию.

– Нужно задействовать профессионалов.

– Безусловно. Предстоит найти специалиста, который сможет и скоординировать всю нашу затею, и осуществить ее. Всякого рода глупые вылазки доморощенных террористов или этих смертников вызывают лишь отторжение основной части населения и разочарование наших друзей. Необходим настоящий специалист, чтобы провести эту акцию грамотно, умно, с точным попаданием в цель. Второго шанса у нас просто не будет. Там тоже работают профессионалы. И они быстро вычислят, кто за этим стоит. Значит, удар должен быть профессионально подготовлен и нанесен со стопроцентной уверенностью в успехе.

– Вы хотите сказать, что нужно задействовать профессионала, который сможет «решить проблему»?

– Я не вижу другого выхода, чтобы «решить все наши проблемы», – возразил хозяин. – Иначе это будет бег по кругу. В нашей стране всегда есть только один конкретный «субъект власти». И это всегда носитель высшей власти. Как и сто, двести, триста лет назад. Ничего не происходит без «батюшки-царя». Просто у нас такая страна. По-моему, мы никогда не выберемся из этой ситуации. Вы слышали последние известия из Осетии?

– Я смотрел последние новости. Это ужасно.

– Никаких переговоров не будет. Теперь ясно, что никто на них не пойдет. Слишком много крови. По моим сведениям, готовится физическое уничтожение легитимного лидера сепаратистов, после чего разговаривать будет не о чем. И нам сейчас не нужны такие «союзники». Мы должны выйти на конкретное решение вопроса, иначе рано или поздно нас объявят уголовными преступниками и выдадут в наручниках. Когда наступит удобный момент.

– Тогда нужно принимать решение, – сказал гость. – Вы готовы взять на себя такую ответственность?

– Иначе я не стал бы вас приглашать. Деньги мы найдем, а профессионала придется искать вам.

– Если будет нормальное финансирование, мы решим эту проблему. – Гость еще раз незаметно вздохнул. Похоже, что сегодня они решили свою судьбу раз и навсегда. – У меня к вам только один вопрос.

– Какой?

– Вы сказали, что на девяносто восемь процентов уверены, что нас никто не прослушивает. Почему такая странная цифра? А остальные два процента?

– Это вы и я, – любезно пояснил хозяин виллы. – Ведь нельзя исключать вероятность, что один из нас может оказаться тем, кто сдаст своего собеседника. В саду гарантированно нет подслушивающих устройств. Но они могут оказаться либо в вашем, либо в моем кармане. Такой вариант я не могу исключать.

– Ясно, – гость помрачнел, и когда они сделали несколько шагов по направлению к вилле, снова остановился. – У меня еще один вопрос, на этот раз действительно последний, перед тем как мы войдем в ваш дом. Скажите, вы кому-нибудь доверяете?

– Нет, – сразу ответил хозяин, – никогда и никому, даже самому себе. Это единственная гарантия выживания. Иначе меня давно убрали бы. Я всегда помню, что в этом мире существуют денежные знаки разных стран, на которые можно купить любого человека. Вопрос только в цене. А так как у меня не хватит денег, чтобы купить абсолютно всех, я всегда помню, что рано или поздно может появиться кто-то другой, кто предложит большую цену. И тогда человек, которому я абсолютно доверяю, вполне возможно, не устоит, поступится своей верностью мне. – Он неожиданно улыбнулся. – В какой-то момент я тоже могу решить, что гораздо лучше получить некие блага в определенных гарантиях или заявлениях власти, чем поддерживать вас в такой безумной затее. Никогда и никому нельзя верить – вот мой единственный и самый важный принцип в жизни.

Гость несколько озадаченно посмотрел на своего собеседника, но больше не сказал ни слова.

ЛОНДОН. «ГРОВНОР-ОТЕЛЬ», КАФЕ «НИКО». 2 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

За столиком кафе сидел мужчина лет пятидесяти пяти. У него были мясистые щеки, кустистые брови, второй подбородок, большая родинка на щеке, ближе к носу. Редкие волосы были зачесаны назад. Он читал газету, не обращая внимания на остальных посетителей. В кафе можно было войти с улицы или из отеля. Именно с улицы и появился тот, кого мужчина ждал – человек высокого роста, со светлыми, аккуратно подстриженными усами, каштановыми волосами и глазами серого цвета. Одет он был в элегантный серый костюм. Увидев сидящего за столиком мужчину, вошедший подошел к нему.

– Добрый день, господин Хеккет. Мы договаривались о нашей встрече. Моя фамилия Дзевоньский. Вам звонили насчет меня.

– Добрый день, мистер Дзевоньский. – Хеккет отложил газету, поднялся, протянул ему руку.

Оба уселись за столик, и Хеккет подозвал официанта.

– Что будете пить? – спросил тот у нового посетителя. – Чай или кофе?

– Кофе, – попросил Дзевоньский, – черный кофе с молоком, но без сахара.

Официант, кивнув, бесшумно удалился.

– Хорошее место, – оглянулся вокруг Дзевоньский. – Вы всегда назначаете свидание вашим клиентам в таких известных местах?

– Это неплохая гарантия безопасности, – улыбнулся Хеккет. – Мы ведь встречаемся впервые, мистер Дзевоньский, а я не привык доверять незнакомым людям. Как, кстати, и хорошо знакомым. Учитывая специфику нашей профессии, думаю, вы со мной согласитесь.

– Нам говорили о вас как о прекрасном специалисте, – осторожно начал Дзевоньский разговор, ради которого состоялась эта встреча.

– Надеюсь, это так. У вас польская фамилия, но ваш английский безупречен. Вы из Канады? – любопытствовал Хеккет. – Хотя нет, скорее из Соединенных Штатов. Думаю, в последние годы вы жили в Чикаго или где-то на севере.

– Там большая польская община, – подтвердил Дзевоньский, – но я несколько лет жил в Детройте.

Он соврал, чтобы не называть Сиэтл, где действительно проживал. При этом его собеседник понял, что Дзевоньский врет, а сам говоривший – что его собеседник умеет улавливать малейшие интонации сказанного.

– Наши общие друзья звонили мне из Эдинбурга, – сообщил Хеккет, – и я дал согласие на нашу встречу.

– Спасибо, – отозвался гость, вновь оглянувшись по сторонам. – Вы уверены, что нас не могут услышать? В этом отеле любят останавливаться арабские шейхи, а сейчас все арабы находятся на особом подозрении у британских спецслужб. Здесь наверняка повсюду установлены подслушивающие устройства.

Хеккет достал из кармана скремблер и положил его на столик. Дзевоньский, улыбнувшись, достал свой прибор, искажающий все звуки. Скеллеры прошлого века стали уже анахронизмом, современные – напоминали небольшие магнитофоны и обладали более мощным радиусом действия.

– Я же вам сказал, что привык к любым неожиданностям, – улыбнулся Хеккет. – Но если хотите, мы можем пойти в парк. Хотя на открытом пространстве нас могут прослушать с гораздо большей эффективностью. И наша защита не сработает, так как для искажения записи необходимо закрытое пространство.

– Будем считать, что вы меня убедили, – усмехнулся Дзевоньский, – но я все равно не могу говорить о нашей проблеме в этом кафе. Можете считать это моим маленьким капризом. Если не возражаете, давайте покатаемся на моей машине. Она в гараже отеля.

– Возражаю, – отрезал Хеккет. – Никогда не сажусь в чужие машины. Я знаю слишком много секретов, чтобы оказаться в автомобиле человека, которого я вижу первый раз в жизни. Если хотите, поедem на моем автомобиле и с моим водителем. Так будет удобнее. Кроме того, салон моей машины отделен от водителя пуленепробиваемым стеклом, и он не может услышать, о чем мы говорим.

– Согласен, – кивнул Дзевоньский.

Они поднялись одновременно. За соседним столиком поднялось еще двое мужчин. Дзевоньский оглянулся на них и одобрительно кивнул.

– Похоже, что вы предусмотрели все варианты, мистер Хеккет.

– Все предусмотреть невозможно, – возразил тот, – но я стараюсь учитывать пожелания моих возможных клиентов.

Он сделал характерный жест рукой, давая отмашку одному из помощников. Тот поспешил вперед. Подъехал роскошный «БМВ» седьмой модели. Хеккет показал на автомобиль и первым полез в салон. Дзевоньский устроился рядом с ним на заднем сиденье. Хеккет поднял стекло, отделяющее их от водителя. И машина мягко тронулась.

– Теперь можете изложить вашу проблему, – разрешил Хеккет. – И судя по вашим предосторожностям, цена должна быть соответствующей.

– Да, – улыбнулся Дзевоньский, – мне разрешили, чтобы гонорар вы назначили сами.

– Очень любезно с вашей стороны, – пробормотал Хеккет. – Это сильно укрепляет меня в моем желании поработать с вами. И самая приятная фраза, которую можно услышать от клиента, настраивает на оптимистический лад. Что ж, изложите вашу проблему...

– Ликвидация, – очень тихо пробормотал Дзевоньский, словно все равно опасался, что его услышит кто-то третий.

– Конкретное лицо?

– Да, – кивнул он, – даже очень конкретное.

– Бизнесмен?

– Нет.

– Политик?

– Да.

– У него есть охрана?

– Да.

– Послушайте меня, мистер Дзевоньский. Если вы не хотите разговаривать, то можете выйти из автомобиля. Я не обязан вытягивать из вас все подробности. Итак, мне нужно знать, кто этот человек и когда? Остальные детали мы сможем обсудить.

– Это достаточно известный политик, – пояснил Дзевоньский. – У него собственная служба охраны и своя служба безопасности. И мы должны иметь гарантию его ликвидации. При этом нужно иметь в виду, что второго шанса у нас не будет. Все должно получиться с первого раза. Иначе нас моментально вычислят.

– Как интересно! – усмехнулся Хеккет. – Политик, которого так охраняют, что после первого неудачного покушения нас всех тут же вычислят. Если это президент Соединенных Штатов, то боюсь, у нас ничего не получится. Я не берусь за такие дела, это слишком опасно и нецелесообразно. Я могу заработать деньги и другим путем.

– Нет. Это не он, – ответил Дзевоньский, – хотя вы почти угадали.

– Премьер Соединенного Королевства? Неужели вы хотите убрать нашего милого Тони Блэра? Вы знаете, как его сейчас охраняют? После того как Буш объявил его главным союзником Америки, он оказал ему ненужную услугу. Террористы всего мира знают, что есть цель номер один – это сам президент Соединенных Штатов. И цель номер два – это наш премьер-министр. Или я ошибаюсь? Может, это наша королева? Может, вас нанял ее сынишка Чарльз, чтобы поскорее стать королем?

Дзевоньский даже не улыбнулся. Он понимал, что Хеккет шутит намеренно, чтобы проверить его реакцию. А тот в свою очередь понял, что поляк разгадал его хитрость.

– Кто? – напрямую спросил Хеккет, и улыбка сползла с его лица.

– Президент, – выдохнул Дзевоньский. Затем еще раз проверил включенный скремблер и пояснил: – самой большой страны...

– Китай? – шепотом переспросил Хеккет. – Нет. Неужели... Вы хотите сказать... Северная страна?

– Да. Россия.

– Ясно, – упавшим голосом произнес Хеккет.

Минуту они ехали в полном молчании. Дзевоньский терпеливо ждал.

– Нет, – наконец решил Хеккет. – Это слишком рискованно. Я, конечно, выполняю поручения моих клиентов, но не такие опасные. Это невозможно, мистер Дзевоньский. Очень сожалею, но вынужден отказаться. Хочу еще несколько лет попользоваться благами, которые дает мне цивилизация. Если я соглашусь на ваше предложение, то должен буду исчезнуть из Лондона навсегда. И вообще из цивилизованного мира. Меня ведь все равно вычислят. Но никакие деньги не заменят мне этой оставленной жизни. Я берусь только за такие операции, которые не могут осложнить моего нормального существования. Будем считать, что нашего разговора просто не было. Я отказываюсь, мистер Дзевоньский. И думаю, вы понимаете мои мотивы.

– Пять миллионов долларов, – отреагировал Дзевоньский. – Ваш гонорар составит пять миллионов долларов.

– Зачем мне деньги на том свете?

– Восемь миллионов долларов, – прошептал Дзевоньский. От напряжения у него на лице появились капельки.

– Это несерьезно. Том, остановите машину, – попросил Хеккет, нажимая кнопку переговорного устройства.

Машина мягко затормозила.

– Десять миллионов, – предложил Дзевоньский. – Мы согласны на любые условия.

– Нет. Я не принимаю подобных заказов. Это невозможно. Даже если у нас все получится, то меня все равно вычислят. Всем известен мой почерк. Меня вычислят и убьют. И дело не только в русских спецслужбах. Им начнут помогать все: американцы, англичане, немцы, французы, китайцы. Международных террористов нигде не любят, особенно сейчас. А политики слишком ценят свою жизнь, чтобы не проявлять солидарной ответственности. Однако моя жизнь для меня бесценна, поэтому мне не нужны деньги.

– Двадцать миллионов, – перебил его Дзевоньский. В его глазах появилось упрямство.

– Выходите, – потребовал Хеккет, – не нужно торговаться. Мне это особенно обидно, если учесть, что вы пытаетесь оценить мою жизнь. Не беспокойтесь. Я обещаю, что о нашем разговоре никто не узнает. Надеюсь, вы понимаете, что вам более не следует меня искать? А если со мной что-то случится, то содержание нашей беседы станет известно и в Лондоне, и в Москве. Это моя страховка от ваших возможных неразумных действий.

– Пятьдесят миллионов долларов! – чуть ли не крикнул Дзевоньский.

– Вон отсюда! – разозлился Хеккет. – Я же сказал, что ценю мою жизнь гораздо дороже. Уходите.

Дзевоньский открыл дверь.

– Будьте осторожны, – сказал он зло напоследок. – Вы совершаете большую ошибку.

– И вы тоже старайтесь не простужаться, – пожелал ему Хеккет. – И не пытайтесь мне угрожать. Я понимаю последствия моего отказа, но ничего не могу сделать.

Едва Дзевоньский вышел из салона, как машина тронулась. Он долго смотрел ей вслед.

– Сукин сын, – пробормотал Дзевоньский, доставая мобильный телефон. Нажал несколько кнопок, но одумавшись, отменил набор и убрал аппарат в карман. Было заметно, как сильно он нервничает.

– Негодяй, – в свою очередь выругался Хеккет, оставшись один. – Решили меня подставить. Считают таким дураком. Пусть сами пробуют, если хотят, а я еще не самоубийца. Или этот тип считает, что я засиделся на этом свете? Том, возвращаемся в офис, – приказал он водителю.

Когда машина завернула за угол, Хеккет обернулся. Затем нахмурился. Судя по всему, деньги у них есть. Огромные деньги. Ему звонили из Эдинбурга, а там сидит очень серьезный посредник. А Дзевоньский похож на человека, готового идти до конца. Нужно как-то себя обезопасить. Позвонить в МИ-5 и сообщить о состоявшейся беседе. Их обязательно следует предупредить. С одной стороны, это лишняя гарантия безопасности, но с другой – он ничем не обязан Дзевоньскому, который не заплатил ему ни цента за этот неприятный разговор. Иногда нужно демонстрировать свою гражданскую ответственность. Если, конечно, это можно сделать бесплатно, без ущерба для бизнеса.

Хеккет достал аппарат и набрал номер своего помощника.

– Больше никаких дел с Эдинбургом, – приказал он ему, – мы не знакомы и никогда не знали друг друга. Ты все понял?

ГЕРМАНИЯ, ДЮССЕЛЬДОРФ. 12 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

Дзевоньский в шляпе и длинном плаще, в каких полвека назад обычно ходили разведчики восточного блока, подошел к скамейке, не оглядываясь, словно был уверен, что здесь никто за ним не следит. Хотя абсолютно точно знал, что как минимум две пары глаз за его действиями внимательно наблюдают. Затем спокойно опустился на скамейку, не спросив разрешения у терпеливо поджидавшего его старика – человека лет семидесяти или даже чуть больше с редкими рыжеватыми волосами, которые он, очевидно, подкрашивал. Со слегка выпученными глазами, крупным носом и глубокими морщинами, прорезающими лоб... Наконец, повернувшись, сказал по-немецки:

– Здравствуйте, герр Вебер.

– Добрый день, – усмехнулся старик, – я жду вас уже двадцать минут. Решили перестраховаться, прежде чем здесь появиться?

– Я немного опоздал, – соврал Дзевоньский, – хотя не стану возражать. Мы, конечно, проверили все факты, прежде чем решились назначить вам встречу. У вас есть интересующая нас информация. И мы готовы за нее заплатить.

– Понимаю, – улыбнулся Вебер и полез в карман своей старой вельветовой куртки.

Дзевоньский заметил, что у старика трясется правая рука, и сочувственно улыбнулся. Он знал, что Веберу уже много лет и он давно страдает болезнью Паркинсона. Старик достал смятый носовой платок, вытер лоб.

– Вы привезли деньги? – спросил он.

– Конечно, – ответил Дзевоньский, – десять тысяч евро за вашу информацию.

– И гарантии моей безопасности, – терпеливо напомнил Вебер, снова вытирая лоб.

– Что? – не понял Дзевоньский. Или сделал вид, что не понял.

– После того как я сдам вам «Герцога», вы решите, что не обязательно оставлять здесь человека, который может знать о его существовании. Я не знаю, зачем вам нужен «Герцог», но вы можете решить, что заплатили мне слишком большую сумму. Или оставили в живых нежелательного свидетеля. Я уверен, что сейчас за нами следят несколько ваших помощников. Скажите им, чтобы они не дергались, я никуда не убею и никого не выдам. Но я должен вернуться сегодня вечером живым к моей супруге. А если я не вернусь, то уже завтра утром информация о «Герцоге» пойдет в федеральное ведомство по защите конституции. И вся информация о людях, которые вышли на меня сегодня днем. Думаю, это нормальная страховка, чтобы получить от вас деньги и уйти живым?

– Вы нам не доверяете? – покачал головой Дзевоньский. – А нам рекомендовали вас как надежного человека.

– Именно поэтому я вам не доверяю, – Вебер опустил руку, сумев попасть в карман и убрать туда носовой платок.

– Вы знаете, где скрывается «Герцог»? – Дзевоньский решил не продолжать столь опасную тему.

– Знаю. Деньги у вас с собой?

– Возьмите, – Дзевоньский достал из кармана конверт и протянул его старику. После введения евро подобные расчеты стали гораздо удобнее. Если в долларах пачка в десять тысяч насчитывала сто бумажек по сто долларов, то теперь эта же сумма представляла из себя тоненькую пачку из двадцати бумажек по пятьсот евро.

Старик жадно схватил конверт, открыл его и принялся, не спеша, пересчитывать деньги. Дзевоньский терпеливо ждал. Наконец Вебер закончил считать, кивнул:

– Все правильно.

– Где он? – сразу спросил Дзевоньский.

– В Перу. Служба безопасности президента. Он работал еще с Фухиморой, потом перешел к новым властям. Он их главный аналитик. Сейчас его знают под фамилией Перейра.

– Спасибо, – Дзевоньский подумал, что за эту информацию они могли бы заплатить в десять раз больше.

– Надеюсь, мы больше никогда не увидимся, – усмехнулся Вебер. Было заметно, что его обрадовал этот конверт.

– Прощайте, – вместо ответа произнес Дзевоньский. Затем поднялся и быстро пошел к соседнему дому, за которым его ждала машина. По дороге кивнул своим помощникам, разрешая им действовать. Откуда мог знать несчастный Вебер, что в его доме произведен тщательный обыск и его заготовленное письмо уже перехвачено. Утром его супругу выманили из дома, сообщив ей о выигрыше стиральной машины, которую она должна получить в магазине, куда

ее повезли люди Дзевоньского. Оформление должно было занять весь день. Счастливая женщина не могла поверить, что получает такой ценный приз. Ей пообещали вернуться вечером домой с новой стиральной машиной.

Вебер не спеша поднялся и пошел в противоположную сторону. Полученная сумма позволяла помечтать. Он уже давно не имел столько денег сразу. Пожалуй, этим летом они с женой смогут поехать в Италию. И вообще смогут позволить себе некоторые удовольствия.

Он не услышал, как мимо прошли двое молодых мужчин. А на улице было много людей, и он не боялся посторонних прохожих. Его не станут убивать на глазах у всех, полагал Вебер. И это стало его последней ошибкой в жизни. Один из прохожих обогнал его справа и прижал к дому. У второго, находившегося сзади, в руках была трость, и он больно уколол Вебера в ногу. Старик гневно обернулся, чтобы сделать замечание, и в последнюю секунду вдруг осознал, что это не случайный укол. Но осознал слишком поздно, уже падая на тротуар. Поддержавший его первый мужчина одним ловким движением достал конверт из его кармана. К ним уже спешили прохожие. У старика был обычный сердечный приступ, которые частенько случаются в таком преклонном возрасте. Письмо насчет «Герцога» и условий сегодняшней встречи было изъято из квартиры Вебера еще два часа назад.

Дзевоньский сидел в машине, когда ему позвонили. Выслушав сообщение, он отключил аппарат, ничего не сказав. Ему не хотелось комментировать по телефону действия своих помощников. После первой неудачи в Лондоне они не имели права повторить ошибку. Хотя с Лондоном они еще не все закончили. Ведь никто не давал гарантии безопасности мистеру Хеккету.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН. 25 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Он почувствовал внимание этого человека, едва появившись на улице. Впрочем, его уже давно не удивляла постоянная слежка, которую он все время видел за своей спиной. Его телефоны прослушивались, за его домом вели наблюдение, всех людей, которые появлялись рядом с ним, тщательно проверяли. Такой была его обычная жизнь на протяжении последних пятнадцати лет.

Сразу после падения Берлинской стены генерал Гельмут Гейтлер эмигрировал в Советский Союз. Он понимал, что охота за ним начнется с первого дня объединенной Германии, и не стал дожидаться официальной объявленной даты третьего октября девяностого года. После падения стены в местных отделениях «Штази» начались погромы. Многие офицеры, не видя выхода, стрелялись, некоторые эмигрировали, часть предпочла сбежать в Южную Америку или в другие страны Европы на заранее подготовленные квартиры. Но генерал «Штази» Гейтлер не мог спрятаться, даже если бы захотел. Его фотографии несколько раз появлялись в газетах, он был известным человеком.

В Москве его приняли неплохо, выделили квартиру, оформили денежное пособие, разрешили вызвать жену, дочь, двух внуков. Ему казалось, что можно будет попытаться начать все сначала. Его опыт, знания, связи могли пригодиться. Кроме Гейтлера в Москву тогда эмигрировало еще несколько бывших руководителей «Штази», среди которых был и легендарный генерал Маркус Вольф, которого все они считали своим учителем. В Москве генерала Вольфа привычно называли «Мишей». Почти все бывшие генералы восточногерманской разведки неплохо владели русским языком, а для некоторых этот язык был почти таким же родным, как и немецкий.

Они с нарастающим сомнением и с беспокойством следили за событиями внутри Советского Союза. К лету девяносто первого обстановка накалилась до предела, становилось ясно, что внутри страны происходят метаморфозы, вызывающие кардинальные изменения в поли-

тике бывшей супердержавы. Любому аналитику было ясно, что огромная страна неудержимо рвалась к катастрофе.

Проблеск надежды появился в тот августовский день, когда они все узнали о появлении ГКЧП. Казалось, что еще можно остановить катастрофу, не допустить развала великой державы, повернуть время вспять. Но уже через несколько дней все было кончено. Здание КГБ не взяли штурмом, хотя стоящий на площади перед ним памятник Дзержинскому снесли под одобрительные крики толпы. Вольф приехал к бывшему руководителю советской разведки Леониду Шебаршину, чтобы попытаться выяснить, как им поступать дальше. Но никто не знал, что им нужно делать. Шебаршин не смог сказать ничего утешительного. Лишь посоветовал Вольфу бежать из страны. Это был крах, конец.

Всю свою сознательную жизнь Гельмут Гейтлер верил в незыблемость идеалов социализма, верил в могучего союзника, каким был Советский Союз, верил в свою страну, которую он защищал. Однако все идеалы оказались ложными, собственной страны больше не было, а союзники не хотели и не могли его защитить. Вольф вернулся в Германию, где на границе в Баварию-Гамбурге его уже ждал федеральный прокурор. Арестованного Вольфа выпустили под огромный залог, но затем снова арестовали.

Началось судебное разбирательство, завершившееся вынесением приговора в девяносто третьем году в Дюссельдорфе. Летом девяносто пятого Федеральный конституционный суд постановил, что бывшие офицеры разведки ГДР не подлежат преследованию в новой Германии за измену и шпионаж. В девяносто седьмом по новому приговору Вольф получил два года условно и был приговорен к штрафу в пятьдесят тысяч марок с оплатой всех судебных расходов.

Словно предчувствуя все возможные перипетии своей дальнейшей судьбы, генерал Гельмут Гейтлер исчез из Москвы в сентябре девяносто первого года. Уже через месяц его жена, дочь и двое внуков вернулись обратно в Германию. К тому времени их бывшая квартира была уже занята новыми жильцами. Семье пришлось трудно, очень трудно. Все знали, что Гейтлер исчез и новые власти не собирались помогать его семье. Шесть лет ему пришлось скрываться в других странах и на другом континенте. За это время произошли невероятные перемены в Германии. В объединенной стране дважды судили Вольфа, судили и приговаривали к различным тюремным срокам остальных генералов и офицеров бывшей ГДР. Кто-то из друзей Гейтлера тайком помогал его жене и дочери, высылая небольшие суммы денег.

А новая власть в России, называемой теперь «демократической», выдала тяжело больного Эриха Хонеккера германским властям. Когда его депортировали из Москвы, он поднял руку в бывшем коммунистическом приветствии, словно подтверждая нерушимость своей клятвы, данной много лет назад. В Германии быстро установили, что Хонеккер тяжело болен. Его освободили, и он уехал в Чили, чтобы умереть далеко от своей родины. Гейтлер видел эти кадры, находясь за тысячи километров от Германии. В девяносто седьмом он вернулся, узнав о смерти своей жены. Его арестовали дома, дав возможность посетить кладбище. Потом был суд, приговоривший его к пяти годам тюремного заключения. Через два года Гейтлера освободили. Он вернулся к дочери и к уже взрослым внукам. Для них все его прежние идеалы были непонятными и немного смешными. Это были совсем другие мальчики, уже нового, двадцать первого века. Гейтлер переехал в небольшую квартиру на окраине Берлина, где поселился в одиночестве. Ему было только шестьдесят два года.

Он привык к тому, что за ним все время наблюдали, что его телефоны прослушивались, а любой журналист из тех, что иногда появлялись в его доме, мог оказаться агентом другой спецслужбы. В последние годы ему несколько раз предлагали сотрудничать с ЦРУ или МИ-6, но он неизменно отказывался.

Увидев, что следящий за ним человек тоже, как и он, перешел улицу, Гейтлер улыбнулся. Кажется, этот тип просто хочет, чтобы его заметили. Интересно, что ему нужно? С тех пор

как Гейтлер оставил свою службу, прошло уже пятнадцать лет. Тогда ему было сорок семь. Неужели они до сих пор нуждаются в его опыте? Прошло так много времени...

Он замедлил шаг. В его возрасте глупо прятаться и тем более убегать. После смерти супруги Гейтлер уже ничего не боялся и ничему не удивлялся. Поэтому, увидев пустую скамейку, подошел к ней и тяжело опустился, ожидая, когда незнакомец подойдет к нему ближе.

Неизвестный мужчина был высокого роста, светловолосый, в темном плаще. Он сел рядом с Гейтлером, глядя перед собой, и так молча они просидели секунд двадцать. Со стороны они были чем-то похожи. У обоих одинакового серого цвета глаза, словно они родственники. Только у Гейтлера лицо очерчено более резкими штрихами, чем у его соседа.

Наконец незнакомец негромко спросил:

– Вы генерал Гельмут Гейтлер?

– Если вы не знаете, кто я такой, то зачем следите за мной? – грубо ответил генерал. – А если знаете, то для чего задаете этот идиотский вопрос?

– Мне нужно убедиться, что это вы.

– Хотите, чтобы я дал вам отпечатки моих пальцев?

– Нет, – улыбнулся незнакомец. По-немецки он говорил с небольшим акцентом. Так обычно разговаривают американцы. Но незнакомец не был похож на типичного американца. Или в ЦРУ решили сделать очередную попытку?

– Кто вы такой? – спросил Гейтлер.

– Я уполномочен передать вам привет от «Герцога».

– Что? – если бы незнакомец назвал любую другую фамилию или любую другую кличку, Гейтлер не удивился бы. Но про «Герцога» знали только несколько человек. Это был агент, внедренный в западногерманскую разведку и исчезнувший больше пятнадцати лет назад. И с тех пор про «Герцога» никто ничего не слышал. Именно поэтому генерал позволил себе удивиться.

– Не удивляйтесь, – незнакомец посмотрел на часы. – Если наш разговор продлится больше десяти минут, я смогу соединить вас с ним по телефону.

– Я вам не верю, – ответил Гейтлер. – Не знаю, кто вы такой, но я вам не верю.

Неизвестный достал аппарат и набрал номер. Затем коротко подтвердил свое присутствие, убрал аппарат и сообщил:

– Он перезвонит нам через несколько минут.

Гейтлер нахмурился. Неужели такое возможно? Спустя столько лет объявился «Герцог»? Если это не блеф... Нет, это невозможно. «Герцог» был гражданином ФРГ, и на него не распространяется амнистия, объявленная офицерам ГДР. Если его схватят, то даже сейчас он получит пожизненный срок. Или два таких срока. «Герцог» сдал пятнадцать или шестнадцать агентов, половину из которых приговорили к смертной казни. Нет, это невозможно. Гейтлер холодно взглянул на неизвестного. Наверное, они хотят проверить версию о «Герцоге», поэтому решили действовать столь грубо и откровенно.

– Я не знаю никакого «Герцога», – заявил Гейтлер, – и вас тоже не знаю. Я уже пожилой человек на пенсии, и ваши провокации меня не могут удивить. Я не люблю, когда так откровенно блефуют.

Он поднял воротник куртки, собираясь встать и уйти, когда незнакомец осторожно дотронулся до его локтя.

– Не спешите, – мягко предложил он, – я вас не обманываю. Вы можете спросить его о каком-нибудь факте, известном только вам и ему.

– Повторяю, я не знаю никакого «Герцога». Я понимаю, что это очередная проверка, но вы ошиблись...

– Он сказал, что вы можете нам помочь, – неожиданно объяснил незнакомец, – мы ищем вас уже достаточно давно. Герр Гейтлер, мы нуждаемся в ваших консультациях.

– Я уже старик, – нахмурился генерал. Пусть делают все, что хотят. Может, им нужно его снова посадить, доказав причастность к операциям против ФРГ. Тогда остаток дней он проведет в тюрьме. Что ж, возможно, это лучший вариант для всех. Внуки его давно не навещают, дочь звонит один раз в две недели. А иногда не звонит и целый месяц...

Незнакомец хотел что-то сказать, когда раздался телефонный звонок. Он достал аппарат, послушал, удовлетворенно кивнул головой и протянул его Гейтлеру. Тот посмотрел на неизвестного, затем достал носовой платок и взял аппарат. Ему не хотелось оставлять своих отпечатков на этом телефоне. Неизвестно, какие планы у этого человека.

– Гельмут, – услышал генерал знакомый голос «Герцога», – это действительно ты?

Он не мог не узнать этого голоса. Про эту тайну не знал никто, даже в «Штази». Они были братьями по отцу. Единокровными братьями по отцу. Мать «Герцога» была любовницей отца Гейтлера, с которым познакомилась в далекой Уфе, где проживали семьи немецких антифашистов, эвакуированные туда во время войны. Об этом отец рассказал самому Гельмуту только спустя тридцать лет, когда они оба работали в органах госбезопасности. По обоюдной договоренности никто не предал огласке этот факт. И «Герцог» работал под фамилией своего формального отца – мужа его матери.

– Здравствуй, – коротко отозвался Гельмут, покосившись на неизвестного. – Рад тебя слышать. Как у тебя дела?

– Неплохо. Я сейчас в Южной Америке. Как у тебя? Я слышал, что Марта умерла? Прими мои соболезнования.

– Да, – подтвердил Гельмут. Он узнал голос брата, но все еще колебался. Они могут подделать любой голос.

– Как твой отец? – неожиданно спросил Гельмут. – Он жив?

Генерал подождал ответа на этот простой вопрос. Если его собеседник действительно «Герцог», он обязан понять этот вопрос. И «Герцог» понял.

– Как и твой, – ответил он. – Умер в семьдесят девятом. Второго августа.

Все. Дальше можно было не проверять. Это был «Герцог». Тот самый, о котором Гельмут не слышал много лет.

– Как я могу тебя найти? – спросил он, уже не глядя на незнакомца.

– В Перу, – ответил также успокоившийся «Герцог». – Тебе дадут мой контактный телефон. Позвони и оставь свой номер. Где бы ты ни был. Я тебя найду. Рядом с тобой сидит человек. Можешь ему доверять в рамках разумного. До свидания.

– До свидания, – генерал почувствовал, что его сердце забилось сильнее. Таких эмоций он не испытывал после выхода из тюрьмы. Гейтлер вернул аппарат неизвестному мужчине.

– Теперь вы мне верите? – улыбнулся тот.

– Нет, – отрезал Гейтлер. – Теперь тоже не верю. Сначала представьтесь, а потом скажите, что вам от меня нужно.

– Меня зовут Кшиштоф Дзевоньский, – церемонно представился мужчина. – Я прилетел сюда по поручению группы людей, которым нужна ваша помощь.

– Вы представляете какую-нибудь страну или конкретную организацию?

– Группу людей, – повторил Дзевоньский, уклоняясь от конкретного ответа.

– Хорошо. Пусть будет группа людей. Что вам от меня нужно?

– Вы нужны нам как специалист. Это ведь вы в семидесятые годы консультировали специалистов из «красных бригад».

– Это неправда, – нахмурился Гейтлер. – Только несколько человек попросили тогда убежища в Восточной Германии, и мы им помогли.

– Не нужно, генерал, – мягко возразил Дзевоньский. – Мы прекрасно знаем, как и где вы им помогали. Это общеизвестный факт. В любой вашей биографии написано, за какие заслуги вы получили полковника в тридцать шесть лет и были награждены двумя орденами.

- Вы собираетесь меня шантажировать? Это было почти тридцать лет назад.
- Верно. Но таких специалистов в мире почти не осталось.
- Что вам нужно?
- Ваш опыт, генерал. Мы предлагаем вам поработать нашим консультантом. Гонорар можете назвать сами. Мы заранее согласны на все ваши условия.
- Это зависит от того, для чего я вам нужен.
- Если я вам скажу, то потом вы не сможете отказаться, – предупредил его Дзевоньский.
- Все настолько серьезно?
- Абсолютно. Мы хорошо изучили ваше прошлое, генерал. Если вы согласитесь с нами сотрудничать, то получите приличный гонорар, чтобы купить себе остров где-нибудь в Тихом океане и на всю жизнь остаться там. Конечно, вы лишитесь вашей пенсии, но мы ее вам компенсируем. На тысячу лет вперед. И вы сможете вызвать к себе ваших внуков, дочь. Через некоторое время.
- Интересное предложение, – генерал подумал, что это не похоже на ЦРУ. И вообще не похоже, что они действуют от имени конкретной спецслужбы. Хотя найти «Герцога» было трудно, почти невозможно. Но они смогли его вычислить. Но если у них такие возможности и если они смогли узнать подробности его биографии, то, возможно, незнакомец действительно представляет серьезных людей.
- Что вам нужно? – повторил вопрос Гейтлер.
- Вы знаете русский язык? – неожиданно спросил Дзевоньский.
- Конечно. Я родился в России в сорок втором году. И жил там до сорок шестого. Если вы знаете мою биографию, то должны были знать и про это. Потом я учился в Москве в течение семи лет. Пять лет в институте, два года специальной стажировки. И еще два года жил там уже в восемьдесят девятом—девяностом первом. Я владею русским так же, как и немецким.
- Все правильно, – кивнул Дзевоньский, – мы хотим предложить вам работу в России. Ваш гонорар будет исчисляться в семизначной цифре. Например, три миллиона долларов. Двадцать пять процентов можете получить сразу же, как только согласитесь с нами сотрудничать.
- Три миллиона долларов? – усмехнулся Гейтлер. – Такие деньги платят только за особую операцию. И не всегда их выплачивают сразу после операции. Гораздо удобнее просто убрать человека, которому обещали столько денег.
- Это не тот случай, – серьезно ответил Дзевоньский. – Как только вы согласитесь, я скажу вам, какого рода консультации нас интересуют.
- Можете не продолжать, – отозвался генерал, – я еще умею думать. Сначала вы нашли «Герцога», чтобы подтвердить ваши полномочия и всю серьезность ваших намерений. Затем спросили меня о леворадикальных экстремистах из РАФ, с которыми мы сотрудничали. Предложили невероятный гонорар и уточнили, владею ли я русским языком. По-моему, вывод очевиден. Вы готовите операцию в России, возможно, масштабную и сложную. Вы хотите повторить в Москве нью-йоркские события одиннадцатого сентября? Хотя нет. Для такого террористического акта я вам не нужен. Тогда для чего? Нечто в этом роде?
- Мы цивилизованные люди, – возразил Дзевоньский. – Речь идет только об одном человеке. Никаких массовых побоищ. Только один человек...
- Три миллиона долларов за одного человека? – переспросил Гейтлер. – Не слишком ли дорого? Или это... – он не договорил.
- Да, – Дзевоньский показал на небо, – все правильно. Это он. Мы хотим предложить вам решить нашу и вашу проблему.
- Так, – негромко подвел итог Гейтлер, – три миллиона долларов и ваша безумная затея. Теперь я понимаю, почему вы пришли именно ко мне. Считаете, что я буду помогать вам из-за своей обиды на бывших товарищей?

– А разве нет? – спросил Дзевоньский. – Он ведь был подполковником КГБ. И работал в Германии, здесь, рядом с вами. И не помог никому из вас.

– Он тогда не мог никому помочь.

– А потом? А его президент? Вы знаете, сколько писем получил Горбачев от бывших офицеров «Штази»? Только Маркус Вольф написал ему два письма, которые были опубликованы. Чем они вам помогли? Или вы до сих пор считаете их своими союзниками? Кажется, вашу жену и дочь вместе с внуками вышвырнули из их страны, как только там поменялась власть. А нынешний президент – олицетворение этой власти. Они вас сдали, сдали всех. Или у вас есть возражения?

– Не нужно меня убеждать, – поморщился Гейтлер. – Ваша агитация в данном случае бесполезна. У меня уже не осталось никаких идеалов и никаких чувств. Даже ненависти. Вы заплатите пять миллионов евро и переведете мне первый миллион уже завтра. Нужно будет организовать мою «смерть», чтобы спокойно работать. Придется искать похожий труп и сделать ему мои зубные коронки. И еще два ранения. Левое плечо и левая нога. Мне всегда не везло на левых политиков и на левую сторону, – пошутил генерал. – Заодно я проверю, насколько серьезно вы собираетесь работать.

– План разработаете сами или нам сделать его за вас?

– Сделайте за меня, – предложил генерал, – а я посмотрю, как вы работаете. Может, я имею дело с богатыми дилетантами, которые ничего не умеют делать. Я не могу бегать по городу в поисках подходящего трупа. Подозреваю, что за мной все еще следят и мой телефон наверняка прослушивается. Итак, вы меня поняли?

– Мы знаем насчет телефона. Не нужно считать нас дилетантами. Мы смогли найти «Герцога», – напомнил Дзевоньский. – Или вы считаете, что это было просто?

– Одно очко вы уже заработали, – спокойно согласился Гейтлер. – Поэтому я согласился получить первый миллион. Второе очко получите сразу после «моего убийства». Когда у вас будет два очка, а у меня миллион евро, я начну действовать. И подумайте о моих документах.

– Мы знаем, что кроме русского вы владеете еще английским, – проговорил Дзевоньский.

– У вас неполные сведения, пан Дзевоньский, – ответил по-польски генерал. – Я владею еще пятью языками: польским, украинским, чешским, датским и французским.

– Надеюсь, что вы не попросите надбавку за знание языков? – улыбаясь, пробормотал его собеседник.

Гейтлер тоже улыбнулся. Конечно, его собеседник все знал. И очень неплохо подготовился к их беседе, если сумел сделать почти невозможное – найти «Герцога». Нужно будет согласовать с ним все детали его «смерти». Внуки уже достаточно взрослые, для них смерть деда не будет неожиданностью. Дочь, конечно, будет переживать, но не очень долго. Сейчас у нее новый, уже третий муж, и ее занимают совсем иные проблемы. После смерти Марты на этой земле больше не осталось ни одной души, ради которой он хотел бы остаться в Берлине. Похоже, это его идеальный шанс начать новую жизнь.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. ЛОНДОН. 27 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Их офис располагался в Сити, в одном из тех многоэтажных домов, где находятся офисы многих известных европейских и американских компаний. На четырнадцатом этаже выходящих из трех лифтов гостей встречал приветливый консьерж, за работой которого наблюдали две камеры. Лишь убедившись, что поднявшихся посетителей действительно ждут, он открывал дверь и пропускал их во внутренние помещения. За дверью находился охранник, который следил за перемещением прибывших и принимал решение об открытии второй двери. Только после этого гость мог пройти в остальные помещения и встретиться с кем-то из нужных ему людей или увидеть главу частного агентства Уорда Хеккета.

В этот день в офисе работало восемь сотрудников его агентства.

Почтальон, как обычно, принес почту, и консьерж вызвал секретаря, чтобы она расписалась за принятую документацию. Улыбающаяся девушка расписалась, выслушав привычный комплимент от почтальона. Она забрала несколько писем, два плотных пакета, одну небольшую посылку, прибывшую из Америки, кивнув консьержу, и прошла во внутренние помещения.

Хеккета в офисе не было. В этот день у него была важная встреча в Брайтоне, и это спасло ему жизнь. Сначала девушка открыла письма, привычно пробегая глазами тексты сообщений. Затем вскрыла посылку, в которой оказались две заказанные книги. Хеккет получал подобные посылки из всех крупных издательств мира. Это была специальная литература по криминалистике, баллистике, истории, сборники судебных решений, воспоминания следователей, судей, бывших разведчиков, политиков. Словом, вся та литература, которая могла ему понадобиться.

Первый плотный конверт содержал послание адвокатской конторы из Канады, и секретарь отложила его для передачи юристу компании. На конверте второго письма было написано «Лично в руки». Секретарь чуть колебалась. Хеккет разрешал ей вскрывать все письма, но подобные обычно просматривал сам. Девушка отложила пакет и через некоторое время снова взглянула на него. Хеккет должен вернуться поздно вечером. Возможно, в конверте важное сообщение из Ливерпуля, о котором он уже спрашивал.

В этот момент зазвонил телефон. Она подняла трубку. По странному стечению обстоятельств звонили из Ливерпуля. Позвонивший сообщил, что выслал письмо на имя мистера Хеккета. Положив трубку, она больше не сомневалась и протянула руку за плотным конвертом. Письмо из Ливерпуля пришло через день, но она об этом уже не могла узнать.

Взрыв был такой силы, что разнес не только комнаты на их этаже, но и причинил серьезные разрушения на двух других этажах. Погибло четырнадцать человек. Хеккета среди них не было. Но узнавший об этом Хеккет сразу понял, кто и почему послал ему это предупреждение. В газетах появилось сообщение, что сам Хеккет тяжело ранен. Больше о нем ничего не было слышно. Хеккет предпочел покинуть беспокойный Лондон, не оставив никому своего адреса.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН. 30 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Этот небольшой трехдверный автомобиль «Opel Corso» выпускался в Айзенахе с девяносто третьего года специально для восточных немцев, сочетая в себе приемлемую цену, низкий расход топлива и немецкий стандарт качества. Автомобиль этой модели девяносто пятого года выпуска и был приобретен несколько дней назад герром Гейтлером. При этом цена за машину была почти символической – в обеспеченной Германии не принято продавать автомобили с девятилетним сроком эксплуатации. Покупатель приобрел ее всего за четыреста долларов.

Было заметно, что он давно не имел машины и поэтому водит не очень уверенно. Сказывался и его почтенный возраст. За несколько дней он дважды чуть не попал в серьезные аварии, чудом избежав столкновений со встречными автомобилями. А выезжать на трассу пока даже не рисковал.

В этот день генерал вышел из дома раньше обычного. Соседка обратила внимание, что он часто держался за сердце. Гейтлер даже заехал в аптеку, где купил болеутоляющее лекарство. Затем выехал на улицу. По утрам в субботние и воскресные дни города Германии словно вымирают. Их жители предпочитают отдыхать в своих домах, вечером собраться в ресторанах или барах, чтобы отметить уикенд.

Когда автомобиль выехал на улицу, там почти не было другого транспорта. И мало случайных прохожих.

Но на одном из поворотов машина генерала резко остановилась, едва не став причиной аварии. Идущий за ней микроавтобус вынужден был резко затормозить. Автомобиль с Гейтле-

ром какое-то время постоял, словно водитель размышлял, что ему теперь предпринять. Наконец, развернувшись, поехал обратно. Сотрудники полиции, дежурившие в своей машине, обратили внимание на этого странного водителя, но не стали проверять его документы, ведь он не нарушал правил дорожного движения.

Автомобиль с генералом между тем свернул за угол, к набережной. Вскоре послышался противный визг тормозов, затем сильный удар, и автомобиль съехал прямо в реку. Сотрудники полиции были на месте происшествия ровно через минуту. За ними приехали врачи, пожарные, служба спасения. Когда водолазы открыли автомобиль, выяснилось, что сидевший там пожилой мужчина уже задохнулся. Тело извлекли из машины, проверили документы.

Труп был опознан дочерью погибшего и одним из его внуков. Провели вскрытие, подтвердившее предварительный вывод о том, что несчастный задохнулся в воде. Очевидно, у него прихватило сердце. Не справившись с управлением автомобиля, он врезался в ограду, пробил ее и свалился в реку. А в состоянии шока он уже не мог вылезти из машины. На всякий случай сравнили зубы погибшего со снимками, сделанными у его дантиста два года назад. Все совпало. Сомнений не осталось. Погибший был бывшим генералом «Штази» Гельмутом Гейтлером.

Никто не мог даже предположить, что настоящий Гельмут Гейтлер вышел из автомобиля, едва он свернул за угол. На его место в кабину посадили человека, погибшего несколько минут назад. Он умер от удушья в воде. У мужчины было больное сердце, и в течение последних двух дней с его зубами работал дантист, чтобы привести их в полное соответствие со снимками челюстей генерала. Все было проделано со скрупулезной точностью. Неизвестный получил одежду и документы Гейтлера. Жертву погрузили в воду за несколько минут до того, как появился генерал, а в его автомобиль посадили уже мертвым. Затем машину столкнули в реку.

Все прошло почти идеально. Через два часа Гейтлер сидел в скором поезде, направлявшемся в Гамбург. Над ним уже поработал гример, и теперь его невозможно было узнать. Рядом находились двое сотрудников Дзевоньского. Гейтлер разместился у окна и иногда поглядывал на свое отражение. При этом он улыбался.

АВСТРИЯ. ВЕНА. ОТЕЛЬ «МЭРРИОТ». 18 НОЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Дронго сидел за столиком, наблюдая за устроившейся рядом с ним шумной компанией. Пять или шесть молодых ребят громко говорили по-грузински. Они о чем-то вспоминали, спорили, смеялись, весело обсуждая новости. Им было не больше двадцати пяти—тридцати лет. Для них история началась после девяносто первого года. Эти молодые люди были уверены, что все развивалось так, как должно было развиваться, и не задавали себе мучительных вопросов об истории и судьбе своего народа. Для них все было правильным и безусловным. Это были в основном дети тех «новых грузин», которые воспользовались повальной коррупцией при режиме Шеварднадзе и сделали свои состояния. Отправив детей в Европу, родители предпочли перевести основную часть капиталов туда же, а сами переехали в Россию или в Азербайджан, подальше от неистового Саакашвили, так отважно пытавшегося покончить в его стране с массовой коррупцией.

Дронго взглянул на часы. Уже половина седьмого. Он нахмурился. «Надеюсь, что это не глупый розыгрыш», – недовольно подумал Дронго. Позавчера вечером на его электронную почту пришло сообщение из Нью-Йорка. В нем был указан телефонный номер и просьба перезвонить по нему с любого «свободного» аппарата. На такой случай Дронго имел несколько зарегистрированных на чужие имена мобильных телефонов. Он позвонил. Неизвестный уточнил номер его телефона и пообещал вскоре перезвонить. Ровно через минуту раздался звонок. Дронго сразу узнал голос говорившего. Это был Уорд Хеккет.

– Добрый день, мистер Дронго, – торопливо сказал он, – у меня нет времени разговаривать. Хотя у вас, наверно, уже вечер. Можете поверить мне, что я позвонил вам только из-

за очень важного дела. Исключительно важного. Я буду ждать вас восемнадцатого в половине седьмого вечера в венском отеле «Мэрриот» в кафе на первом этаже.

– Я знаю, – коротко ответил Дронго.

– Тогда договорились. Это очень важное дело, мистер Дронго. Вашу безопасность я гарантирую. До свидания.

Конечно, можно было проигнорировать такое сообщение. И не лететь в Вену, тем более что Уорд Хеккет был одним из тех негодяев, которым нельзя верить на слово. Своей порочной репутацией он давно снискал себе славу одного из самых опасных людей в криминальном мире. Но среди профессионалов такого уровня не принято приглашать на встречу коллегу-конкурента для банального убийства. Существуют негласные правила, которых придерживаются все остальные. Кроме того, Хеккет обязан понимать, что Дронго не поедет на встречу, не обеспечив себе безопасность обязательным сообщением, куда он едет и с кем намерен встретиться. А это означало, что у Хеккета действительно исключительно важное дело. В эту ночь Дронго не заснул. Он просмотрел все английские газеты за последний месяц и обратил внимание на сообщения о взрыве в офисе частной компании Хеккета в лондонском Сити. Дронго распечатал сообщения и сделал нужные пометки, внимательно читая все статьи об этом взрыве. В одной из них говорилось, что мистер Хеккет тяжело ранен и находится в госпитале. Однако нигде не было указано, в каком именно госпитале.

Уже под утро Дронго решил, что нужно лететь в Вену. По Интернету он заказал себе билет на дневной рейс. Самолет вылетал из Москвы в пятнадцать часов пятьдесят минут рейсом шестьсот вторым австрийской авиалинии.

Отправляясь спать в седьмом часу утра, Дронго решил послать для подстраховки сообщение о его возможной встрече с Хеккетом своим друзьям. Хотя уже сознавал, что эта встреча чрезвычайно важна не только для Хеккета, но, возможно, и для него самого.

А теперь он уже сидел в отеле «Мэрриот», ожидая, когда появится Уорд Хеккет или кто-нибудь из его посланцев. На часах было около семи, когда в кафе появился мужчина, который смотрел в сторону Дронго, делая вид, что не замечает его, но было ясно: интересуется именно им. Дронго терпеливо ждал. Наконец мужчина поднялся, подошел к нему.

– Вы мистер Дронго? – спросил он.

– Меня обычно так называют, – кивнул Дронго.

– Вас ждут на улице, – сообщил незнакомец и не отошел, дожидаясь, когда Дронго расплатится за выпитый чай и поднимется, чтобы выйти вместе с ним.

Они вышли на улицу. Дронго был готов к тому, что рядом с ними затормозит машина, но тут увидел, что на другой стороне улицы стоит сам Уорд Хеккет и приветливо машет ему рукой. Дронго посмотрел по сторонам и перешел улицу. Это была парковая зона. Хеккет дружелюбно кивнул ему, протянул руку. Дронго удивленно посмотрел на нее.

– Сейчас не время для ваших обид, – понял Хеккет, увидев, что Дронго не желает пожать ему руку. Однако убрал ее и пробормотал: – Вы всегда были неисправимым идеалистом.

– Зачем вы меня позвали? – мрачно поинтересовался Дронго. – Хотите выпить со мной чашечку венского кофе? Или погулять по парку? Может, вас замучила ностальгия?

– Не нужно так агрессивно, – взмахнул рукой Хеккет. – Как только вы меня видите, у вас сразу же возникают негативные воспоминания. Мы знакомы уже много лет.

– С девяносто седьмого, – напомнил Дронго. – Вы тогда пытались устроить провокацию, но у вас ничего не вышло...

– Да, не вышло, – весело согласился Хеккет, – однако я почему-то по-прежнему оптимист, а вы превращаетесь в меланхолика.

– Это я с виду такой серьезный, – отозвался Дронго. – Если бы на самом деле стал меланхоликом, никогда не приехал бы к вам в Вену. Скорее я – романтик, а вы – циник.

– Цинизм всего лишь форма нашего существования, – возразил Хеккет, – некий гибрид фарисеев-моралистов, если хотите. А ваш романтизм покоится на меланхолизме в сочетании с морализмом. И это гораздо более сложная смесь.

– Надеюсь, я не скоро стану таким, как вы, – буркнул Дронго. – Вы позвали меня в Вену для этого схоластического диспута?

– Нет, – сразу ответил Хеккет. – И я вам благодарен, что вы откликнулись на мое приглашение. Думаю, вы не пожалеете. Более того, я собираюсь дать вам уникальный шанс отличиться...

– Очень много лишних слов, – заметил Дронго. – Так зачем я вам нужен? Это как-то связано со взрывом в вашем офисе? Неужели у вас появились враги? Или это ваши старые враги?

– Я так и думал. Вы слишком умный человек, чтобы ничего не узнать. Наверное, просмотрели все газеты?

Дронго не ответил, ожидая дальнейших объяснений.

– В общем, у меня серьезные неприятности, и я должен был на время исчезнуть из Лондона, – сообщил Хеккет. – Вместо меня в госпитале святого Георга сейчас лежит другой человек, загрированный под меня. Меня не было в офисе в момент взрыва. И похоже, это меня спасло. А пока пусть все считают, что я нахожусь без сознания. И хотя охрана усилена, однако никто не может гарантировать моей безопасности. Подозреваю, что меня еще захотят убить. И как можно быстрее. Поэтому это наша последняя встреча. В ближайшие месяцы я намерен вообще уехать из Европы. В Канаду или в Аргентину. В общем, найду место по душе.

– Вас так напугали?

– Если они взорвали мой офис и убили половину моих сотрудников, то можно считать, что они меня напугали. И очень рассердили. Я ведь не новичок в нашем бизнесе, знаю все правила и стараюсь их соблюдать. Но когда ведут себя вот так бесцеремонно и нагло, я становлюсь злым и мстительным. И собираюсь отомстить с вашей помощью, мистер Дронго. Как видите, я достаточно откровенно говорю вам об этом.

Дронго заметил двух мужчин, следующих за ними на некотором расстоянии. Очевидно, Хеккет действительно был взволнован случившимся покушением.

– Теперь о сути дела, – сказал Хеккет, оглянувшись назад. – Примерно полтора месяца назад ко мне обратился один мой знакомый. Он рекомендовал мне встретиться с неким паном Дзевоньским, который усиленно искал встречи со мной. Я с ним встретился. Вы знаете характер моей работы, я никогда никому не отказываю. Если у людей есть конкретные предложения и они могут заплатить, то почему бы им не помочь? Согласен, я действую иногда на грани закона, но это уж мои проблемы. Пан Дзевоньский предложил мне участие в операции, которую я посчитал нереальной. И очень опасной. Нужно сказать, что мой гость проявил настойчивость, предложил мне большой, очень большой гонорар. Но я благоразумно отказался. Он ушел от меня неприятно пораженным. Очевидно, решил, что я отказался от денег из-за моих высоких моральных принципов и поэтому меня нужно убить.

– Он же совсем вас не знал, – вставил Дронго.

Хеккет вздохнул, но продолжил:

– На самом деле причина была абсолютна иная. Я просто сразу понял, что дело, которое он мне предлагает, чрезвычайно опасное. И совсем не прибыльное. Дело не в сумме гонорара. Если я сумел бы выполнить его задание, меня искали бы по всему миру, если бы не сумел – тоже. Вот такое неприятное уравнение с двумя известными ответами.

Дронго остановился. Хеккет взглянул на него. Сопровождающие замерли на почтительном расстоянии.

– Что же он вам предложил? – спросил Дронго. – Я думал, вы не отказываетесь, когда вам сулят большой гонорар.

– Не делайте из меня монстра, – огрызнулся Хеккет. – Если вам предложат взорвать автобус с детьми, вы согласитесь?

– У меня другая репутация, мистер Хеккет. Я не берусь за такие дела, и об этом все знают. Но думаю, что за большие деньги вы взорвали бы автобус с детьми. У вас репутация не очень приличного человека, и вам это прекрасно известно. Какой же гонорар вам предлагали? Миллион, два, пять?

– Пятьдесят, – ответил Хеккет, улыбаясь произведенному эффекту.

Дронго нахмурился. Затем повернулся и пошел дальше, ничего не сказав. Хеккет тронулся за ним следом.

– Пятьдесят миллионов, – негромко произнес Дронго, – и вы отказались? Я думал, за такие деньги вы готовы продать свою бессмертную душу. Хотя в Бога вы наверняка не верите. Пятьдесят миллионов долларов, и вы отказались? Может, мне попытаться угадать, что именно вам предложили? Какой-то вариант повторения событий одиннадцатого сентября в Нью-Йорке или одиннадцатого марта в Мадриде?

– Почти, – подтвердил Хеккет. – Мне предложили убить вашего президента. Продумать и осуществить покушение на его жизнь. Можете себе представить? Меня сразу вычислили бы. Мой почерк известен всем спецслужбам. Меня нашли бы, независимо от того, сумел бы я выполнить этот «заказ» или нет.

– Подождите, – прервал его Дронго, – это похоже на провокацию. Неужели у них нет своих исполнителей?

– Я не говорил об исполнителях. Им был нужен аналитик. Серьезный эксперт, который сумел бы продумать всю операцию до мелочей. Но зачем мне деньги на том свете? Поэтому я отказался. Русские стали бы искать меня по всему миру, а американцы и европейцы им помогали бы. Вы думаете, у меня был бы хоть шанс спрятаться?

– Пятьдесят миллионов за убийство президента, и вы отказались? А почему не обратились в Скотланд-Ярд?

– Я не сумасшедший. Любая подобная попытка только ускорила бы высылку этого «подарка», от которого я спасся лишь чудом. У них могут быть свои люди в Скотланд-Ярде. Я подозреваю, что есть, так как мой знакомый из Эдинбурга, рекомендовавший мне пана Дзевоньского, как раз имеет очень неплохие связи со спецслужбами нашей страны. Более того, я полагаю, что сам Дзевоньский – бывший офицер польской или восточногерманской разведки. Он очень профессионально и грамотно выстроил нашу беседу. Хотя в конце сорвался, пытаясь меня уговорить.

– Вы рисковали, – заметил Дронго. – Они были уверены, что вы согласитесь...

– Очевидно, да. Я действительно часто помогаю людям, для чего и создал свое агентство. Но на такое даже я не способен. Мне пришлось бы полететь в Москву, сидеть там, разрабатывать план устранения русского президента. И вы думаете, что визит такого человека, как я, прошел бы незамеченным для русских спецслужб? Или для английских? Я стараюсь не выглядеть дураком.

– И поэтому решили выбрать именно меня? Но я не российский гражданин и точно так же могу находиться под подозрением российских спецслужб.

– Вы живете в Москве, у вас хорошие связи. И у вас есть то, чего нельзя купить ни за какие деньги, мистер Дронго. Это ваша репутация. В мире всего несколько специалистов вашей квалификации: сэр Мишель Доул из Лондона, комиссар Дезире Брюлей из Парижа, мистер Фредерик Миллер из Брюсселя. Четыре или пять человек. К сожалению, романтиков почти не осталось. Вы ведь как ангелы, вас все знают наперечет. А моя контора обеспечивает людей ложными алиби, готовит нужных свидетелей...

– И лжесвидетелей, – вставил Дронго.

– И лжесвидетелей, – согласился Хеккет. – Мы собираем компрометирующий материал на супругов, политиков, бизнесменов. Занимаемся экономическим шпионажем, находим нужных женщин, чтобы скомпрометировать чью-то репутацию. В общем, вся Европа знает, что мы не ангелы. Но мы и не убийцы. Во всяком случае, если бы речь шла о каком-то несчастном любовнике, который мешает состоятельному мужу-политику, то возможно, мы могли бы найти для пана Дзевоньского подходящую кандидатуру на предмет устранения подобного нежелательного субъекта. Ничего личного. Мы бы взяли свои комиссионные проценты и нашли нужного человека. Они сами обычно договариваются об оплате подобных услуг. Нашли бы... Но не для политического убийства. Это абсолютно исключено.

– А почему вы решили так срочно найти меня?

– Решил немного вам подыграть. Может, вы даже получите орден за то, что предотвратили покушение в Москве. Или другую благодарность. Я решил сдать вам пана Дзевоньского. Он оказался слишком неблагодарным и самонадеянным типом. Возьмите дискету. Здесь все, что я знаю. И его фотографии. Думаю, что они не успокоятся и будут искать специалиста с моим профилем. В мире не так много людей нашей профессии. Думаю, что вы сумеете вычислить аналитика, которого привезут в Москву. И сможете предотвратить покушение, – в руках у Хеккета появилась дискетка.

– А если это провокация? – снова спросил Дронго. – Если они решили таким образом просто устроить спектакль?

– Бомба, которую они мне прислали, тоже спектакль? – зло поинтересовался Хеккет. – Или это у них такое своеобразное чувство юмора?

– Когда это случилось? По датам?

– Первая встреча была второго октября, а бомбу прислали двадцать седьмого. Как видите, быстро.

– Давайте вашу дискетку, – прервал его Дронго, – и ваш контактный телефон. Может, мне придется еще раз с вами увидеться.

– Нет, – отказался Хеккет, – никаких телефонов. Я в больнице и без сознания. И я не приду в себя до тех пор, пока не получу известий из Москвы. Либо о том, что вы проиграли, либо о том, что вам удалось предотвратить это покушение. Учтите, они не остановятся на полпути. Если у них есть такие деньги и такие возможности, то боюсь, что они уже действуют. И оцените хоть немного мое благородство. Я ведь мог просто послать сообщение в Москву, а не вызывать вас сюда.

– А чувство мести? – напомнил Дронго. – Среди погибших были близкие вам люди.

– Оно мне знакомо, – ответил Хеккет, – я хорошо вас знаю, мистер Дронго. Вы не сможете отмахнуться от моего предложения. Уже сегодня вы начнете анализировать мои данные и действовать. И если в результате ваших действий будет арестован или убит этот пан Дзевоньский, я буду считать мою миссию выполненной. А если вы сумеете его арестовать и это приятное для меня сообщение появится в российских газетах, обещаю вам, что сразу «выздоровлю», прилечу в Москву и лично вас поздравлю. Но номера телефона я вам не дам. Слишком опасно.

– Понятно, – протянул Дронго. – Вам не кажется, что пора заканчивать с вашим частным агентством? Лучше займитесь благородными делами, помогайте находить пропавших детей, охраняйте высокопоставленных особ, ищите преступников. И люди скажут вам «спасибо».

– Могу сообщить вам некоторые факты из моего личного опыта, – живо возразил Хеккет. – Охотнее всего люди платят за информацию, добытую в обход моральных и юридических норм. Они платят за намеренное отклонение от закона гораздо больше, чем за пунктуальное ему следование. Хотите, сравните наши доходы. Идеалиста-романтика с циником. И вы увидите, что я получаю в десять раз больше вашего.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Дронго. – Но вы должны быть готовы и к тому, что среди ваших знакомых рано или поздно окажется новый пан Дзевоньский. И на этот раз вы можете случайно оказаться в офисе.

– Да, – помрачнел Хеккет, – но это уже «издержки» нашей профессии. Надеюсь, что моя дискетка вам поможет. До свидания. Я еще раз благодарю вас за то, что вы сюда приехали, – он повернулся и уже не прощаясь и не протягивая руки исчез за деревьями.

Двое его телохранителей также бесшумно растаяли среди деревьев, очевидно, выйдя к стоявшим на другой стороне парка автомобилям. Дронго остался один. Он посмотрел по сторонам и заторопился в сторону отеля «Мэрриот». Сегодняшняя новость не стала для него такой сенсацией. Он по-прежнему не доверял Хеккету, хотя и признавал, что действительно был для него «последним шансом».

РОССИЯ. МОСКВА. 19 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА

Поезд прибыл в город почти вовремя. Гейтлер проснулся раньше обычного и, лежа в постели, прислушивался к стуку колес, такому забытому и одновременно памяtnому. В Европе почти не было поездов со спальными вагонами, не считая нескольких фирменных составов, курсирующих между различными странами. В небольшой по размерам ГДР в любую точку можно было добраться за несколько часов, выехав из Берлина. И только у соседей, в России, где Гейтлер провел так много лет своей жизни, можно было действительно отоспаться в поезде. Рядом дремал один из его помощников. Гейтлер посмотрел в его сторону и усмехнулся. Напрасно они ему так не доверяют. Если бы он хотел сбежать, то уже давно это сделал бы. Он приподнял голову и посмотрел в окно. Повсюду лежал снег. Скорый поезд «Красная стрела» шел из Санкт-Петербурга в Москву и должен был прибыть на Ленинградский вокзал ранним утром. Гейтлер вспомнил, что впервые воспользовался этим поездом тридцать семь лет назад. Как же давно это было! В шестьдесят седьмом. Тогда все было немного по-другому. Он поднялся с постели, и его напарник сразу открыл глаза.

– Спи, – строго по-русски сказал Гейтлер, – еще не хватает, чтобы ты ходил за мной в туалет, вызывая подозрения у проводников. Не бойся, я не убегу в тапочках и спортивных брюках. При таком морозе можно запросто замерзнуть.

Он с удовольствием говорил по-русски, используя уже забытые слова. Ему понравилось это всплывшее из памяти слово «запросто». Забрав щетку и зубную пасту, он вышел из купе. Когда же, почистив зубы и умывшись, вышел из туалета, его провожатый с каменным выражением лица стоял в коридоре. Наверняка все-таки боялся, что Гейтлер выпрыгнет из движущегося экспресса, да при таком морозе почти абсолютно раздетым. И наверное, правильно делает, что боится, подумал генерал. Вот если бы это происходило лет двадцать или тридцать назад, его никто не удержал бы. Только сначала он нейтрализовал бы своего провожатого. А сейчас убегать глупо. И не нужно. Тем более что он сам согласился на такой необычный шаг и решил приехать в Москву, чтобы продумать все на месте. Но верный своим прежним принципам конспирации, Гейтлер прекрасно понимал, что не стоит прилетать прямо в Москву, чтобы не оказаться под подозрением, даже при наличии безупречных документов. Поэтому он выбрал Санкт-Петербург, переехав в него из Хельсинки, и теперь ехал в Москву поездом.

Гейтлер вернулся в свое купе, ничего не сказав своему провожатому. Он не сомневался, что кроме этого парня в поезде должны быть еще несколько человек для подстраховки. «Какие же кретины, – возмущенно подумал генерал. – Слух о моем появлении в Москве разнесется по всему городу раньше, чем я начну что-то придумывать. Нужно предупредить Дзевоньского, чтобы он изолировал всех моих провожатых».

На вокзале их встречали. Гейтлера посадили в темный джип отдельно от его провожатого. В кабине было двое мужчин, один из которых уселся вместе с гостем на заднем сиденье. Они

ехали долго, больше часа, куда-то за город. Но за все это время генерал не произнес ни слова. И его провожатые тоже не разговаривали. Очевидно, у них были строгие инструкции. Наконец автомобиль остановился, и Гейтлер вылез из машины, разминая затекшие ноги.

– Добрый день, господин Шайнер, – приветствовал его на русском языке сам Дзевоньский, одетый в светлый джемпер и темные шерстяные брюки. Волосы у него были зачесаны назад, на глазах появились очки, придавшие ему интеллигентный вид.

Гейтлер пожал протянутую руку и улыбнулся. По документам он теперь был чехом Йозефом Шайнером, архитектором из Праги. Какие документы были у Дзевоньского, генерал не знал, но понимал, что тот тоже их сменил. Они вошли в дом и, пройдя через большой холл, оказались в просторной гостиной. Дзевоньский показал на глубокие кресла у камина, устраиваясь в одном из них. Гейтлер сел в другое.

– Как добрались? – поинтересовался Дзевоньский. Он неплохо говорил по-русски, хотя с некоторым акцентом.

– Все нормально. Если бы не плотная опека ваших помощников, у меня было бы более хорошее настроение.

– Это в целях вашей безопасности, – пояснил Дзевоньский.

– Тогда в целях моей безопасности изолируйте всех месяца на три или на четыре, пока мы не завершим наше общее дело.

Дзевоньский улыбнулся:

– Вы думаете, что мы посвящаем их в детали операции? Они были обязаны всего лишь охранять вас.

– И тем не менее они знают, что я сюда приехал. Я не хотел бы видеть их еще раз.

– Мы учтем ваши пожелания, мистер Шайнер. Между прочим, меня зовут Станислав Юндзил. Я бизнесмен из Литвы. Из Клайпеды.

– Не сомневаюсь, что вы успешный бизнесмен, – пробормотал Гейтлер, – но мне хотелось бы знать, кто еще осведомлен о цели моего визита? – Он протянул руку, растопыривая пальцы. Если вы скажете, что их число превышает количество пальцев на моей правой руке, мы закончим с вами наши отношения немедленно. Прямо здесь. И я верну вам ваши деньги.

Они смотрели друг другу в глаза.

– У вас слишком много пальцев, – заметил Дзевоньский. – Кроме нас с вами никто не знает о цели вашего появления. Ни один человек, кроме меня, во всяком случае ни один из тех, кто сейчас находится в Москве, не знает, кто вы такой и зачем сюда приехали. Моему помощнику Карлу Гельвану известно лишь ваше имя и наша задача в общих чертах. Никто и не должен знать о цели вашего визита, мистер Шайнер. Не считайте меня дилетантом. Иначе я не сумел бы найти «Герцога» и убедить вас в серьезности наших намерений.

– Вы об этом уже говорили. Не нужно все время этим бравировать. Я оценил качество вашей работы во время моей «гибели» в Берлине. Сколько человек охраняет этот дом?

– Четверо. Все профессионалы, но они тоже не знают о цели вашего приезда. И будут охранять этот дом от назойливого любопытства каждого постороннего. Я правильно сказал по-русски?

– Не совсем. Лучше сказать «всех посторонних». Так будет точнее.

– Спасибо. Иногда я допускаю подобные ошибки. В доме будут еще кухарка и уборщица. Охрана дежурит в доме круглосуточно. Вся территория просматривается камерами. Дом находится в дачном поселке, который охраняется сотрудниками местной милиции. У них она называется вневедомственной охраной. Что еще вас интересует?

– Все, что касается нашего субъекта власти. Его привычки, круг общения, манера поведения, передвижения по стране. Какая у него охрана, каковы его маршруты, в общем все, что вы сможете о нем узнать.

– Мы готовим материалы уже достаточно давно. Но вы должны понимать, что мы проявляем особую осторожность во всем, что касается его персоны. Любая чрезмерная настойчивость может вызвать ненужное внимание его охраны. Там работают профессионалы. Кроме того, он сам знает, как себя вести и что делать. Не забывайте, он наш коллега.

– Не забуду, – улыбнулся Гейтлер, – а вам трудно беседовать по-русски. Если хотите, перейдем на немецкий или польский.

– Почему?

– Вы себя невольно выдали. Сказали, что он «наш коллега». А я ведь не спрашивал вашу биографию.

– Верно, – нахмурился Дзевоньский, – я много лет не был в России. И мне трудно себя все время контролировать. Давайте перейдем на немецкий или польский. Так мне будет легче.

– Пан Дзевоньский, – перешел на польский язык Гейтлер, – вы понимаете, что мне нужно время для разработки операции? И конкретный исполнитель. Или исполнители, которые ничего не будут знать до последнего момента. Это в фильмах и книгах прошлого века можно было нанять наемного убийцу, который будет действовать в одиночку. Сейчас такое невозможно. Нужны продуманные действия многих людей, хотя успеха чаще всего добиваются одиночки именно в силу законов конспирации.

– Вы хорошо говорите по-польски, – кивнул Дзевоньский, – и я понимаю все наши проблемы. Что-нибудь еще?

– Конкретные исполнители. Я скажу, кто именно мне нужен.

– Когда?

– Пока не знаю, скажу, когда изучу ситуацию. Мне понадобится автомобиль с водителем, чтобы немного поехать по городу. И уберите эту дурацкую охрану. Вы прекрасно понимаете, что если бы я захотел, то давно ушел бы от вас. Это не проблема.

– Думаю, да, – согласился Дзевоньский, – тем более что свои деньги вы очень ловко спрятали. Мы не смогли их найти. Не подскажите, куда вы их перевели?

– Не подскажу, пан Дзевоньский. Или лучше пан Юндзил? Это моя страховка на случай, когда вы решите, что «мавр сделал свое дело»...

– Охрану я не уберу, но машину мы вам дадим. Можете ездить, но будьте осторожны, не стоит привлекать ненужного внимания.

– Могли бы этого не говорить.

– Согласен. Я ценю ваш большой опыт, пан Шайнер. И готов выслушать все ваши рекомендации.

– И мое последнее условие. Вы сказали, что второго шанса не будет. С этим я могу согласиться. Поэтому мы всегда готовили два варианта. Основной и резервный, на случай провала первого. Основной вариант будем готовить мы с вами вдвоем. Резервный буду готовить я один. Вам придется мне поверить. И выплатить еще половину суммы. Если не получится у ваших людей и мы провалим основной план, то я задействую резервный вариант, о котором будет знать только один человек. Я сам. Это абсолютная гарантия безопасности.

– А исполнители? – поинтересовался Дзевоньский. – Разве вам не будут нужны конкретные исполнители? Как вы думаете осуществить свой план? Каким образом? Или вы возьмете пистолет и пойдете в Кремль?

– Вы сами сказали, что цените мой опыт. Я уже догадался, что вы работали в органах госбезопасности. Возможно, даже в разведке, пан Шайнер. И были очень толковым специалистом. Вы знаете, чем я занимался в нашей бывшей стране. Но вы даже не предполагаете, сколько на счету нашего отдела успешно проведенных операций. Не можете даже себе представить. И никто об этом никогда не узнает. Документы уничтожены. Свидетелей не осталась. Иногда мне бывает обидно, что мир не узнал всех подробностей о работе моих сотрудников. Даже в КГБ не было специалистов такого уровня. И столько успешно проведенных операций. Но в финале мы

проиграли из-за просчета наших политиков и из-за предательства Москвы, которое я никогда и никому не простил. Вся моя жизнь изменилась. Я потерял Родину, семью, работу, свою честь. Надо мной смеялись, объясняя, что я всю жизнь служил ложным идеалам. – Гейтлер взглянул на огонь в камине и негромко продолжал уже по-немецки. – Поэтому давайте договоримся так. Вам придется мне поверить и не мешать. Я никуда не сбегу. Не потому, что вы мне так нравитесь. Я хочу завершить мою карьеру самым громким делом в моей жизни. Хочу поставить жирную точку и показать всему миру, что они слишком рано похоронили мою страну и нашу разведку. Эндшпиль будет за нами. Это моя историческая миссия, если хотите.

Наступило молчание. Дзевоньский молчал целую минуту, словно раздумывая. И наконец произнес, тоже по-немецки:

– Я вам верю, генерал. Можете делать все, что считаете нужным. Машину мы вам дадим. Разрабатывайте ваши варианты, я буду вам помогать. Только на всякий случай хочу вас предупредить. Если вдруг вы решите все-таки исчезнуть, мы не станем вас искать. У вас остались два внука в Берлине. И ваша единственная дочь. Это гарантия вашей лояльности. Извините, что вынужден так говорить, но я хочу быть искренним до конца.

Теперь целую минуту молчал Гейтлер. Его лицо превратилось в каменную маску, но многолетняя закалка в органах разведки сказывалась. Он ничем не выдал своего волнения. Две пары серых глаз снова скрестились. Они понимали друг друга. Они слишком хорошо понимали друг друга. И только через минуту генерал криво усмехнулся:

– Я ошибся, пан Дзевоньский. Вы не служили в разведке. Вы работали в контрразведке. Наверное, выслеживали ваших перебежчиков. И ловили всех инакомыслящих. Если бы вы работали в разведке, вы наверняка знали бы, как важно устанавливать доверительные отношения со своим подопечным. Но метод шантажа и угроз вам более привлекателен. Будем считать, что я принял к сведению ваши слова. Не нужно было мне об этом говорить. И все-таки, коли вы сказали, я запомню ваши слова и приму их к сведению. А теперь покажите мне мою комнату, где я могу переодеться и начать работу.

РОССИЯ. МОСКВА. 20 НОЯБРЯ, СУББОТА

В Москву Дронго прилетел накануне днем. И сразу заперся в своей квартире, чтобы просмотреть все материалы и попытаться понять, насколько велика опасность, о которой его предупредил Хеккет. Он работал всю ночь напролет, стараясь ответить себе на несколько вопросов.

Первый был о самом Хеккете. Ведь вполне вероятно, что за этим крылась его попытка таким необычным способом отомстить его возможным конкурентам или врагам. Хеккет мог попытаться подставить своего конкурента под подозрение российских спецслужб. Такой вариант нельзя было исключать.

Однако Хеккет, на взгляд Дронго, был достаточно умным человеком, чтобы не понимать, что такую игру рано или поздно разоблачат.

Тогда неизбежно возникал второй вопрос: кто стоит за Дзевоньским, прибывшим в Лондон? Судя по сумме гонорара, который предлагали Хеккету, это очень серьезные люди с огромными возможностями для осуществления их плана.

К вечеру двадцать седьмого октября Дронго наконец принял решение и тут же позвонил своему старому знакомому – бывшему полковнику Первого Главного Управления, много лет проработавшему за рубежом в Канаде, США, Великобритании, а затем вышедшего на пенсию, но сохранившего прежние отношения с сотрудниками управления.

Владимиру Владимировичу, по странному совпадению полному тезке президента страны, пришедшего к власти пять лет назад, было уже за семьдесят. Теперь старый разведчик, с которым Дронго дружил уже более десяти лет, ходил с палочкой, у него часто болели ноги,

однако он сохранял удивительную ясность ума и проницательность, основанную на большом практическом опыте. Старик часто выступал в роли своеобразного связного между спецслужбами и Дронго.

Как всегда, Владимир Владимирович, кажется, не удивился звонку Дронго, почувствовав, что произошло что-то чрезвычайно важное, и пригласил его к себе. Дронго приехал в половине десятого вечера, поднялся в знакомую квартиру. Владимир Владимирович жил один. Дронго всегда удивляло, что старик открывал ему дверь почти сразу, словно точно знал, в какой момент он за нею окажется. Будто ему кто-то сообщал о его передвижениях.

Они вошли в квартиру, прошли на кухню, где Владимир Владимирович пил кофе. Гостю он предложил чай, зная, что Дронго не пьет кофе, предпочитая элитные сорта чая. И специально держал для него такой чай.

– Что случилось? – осведомился старик, когда его гость уселся за столик. – Последний раз, помнится, мы виделись с тобой в Риме, куда мне пришлось вылететь, чтобы уговорить тебя вернуться в Москву. А теперь ты сам прибежал. Догадываюсь, случилось что-то серьезное, иначе я не увидел бы тебя так быстро. По-моему, у тебя на общение со мной своеобразная аллергия, которая возникает сразу после наших встреч. Будто ты устаешь от моего общества. Или вообще устаешь от своих дел, от окружающих тебя людей. Но раз ты оставил семью в Риме и прилетел в Москву, значит, у тебя сейчас период одиночества. Ну, начинай, рассказывай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.